

Геннадий ОСТРОВСКИЙ

Солдатский декамерон

Фрагменты сценария

Начнем, пожалуй, с генерал-майора Яремчука, командира бригады. Находясь посреди батальонного свинарника, комбриг выступал в роли золотой рыбки.

— Оськин, — по-своему сказал комбриг. — Ты золотую рыбку видел?

— Никак нет, товарищ генерал-майор, — смущенно сказал Оськин, рядовой первого года службы.

Над свинарником густо плавал туман. Чавкали свиньи. Оськин с ведром застыл у корыта.

— Это я, — скромно сказал комбриг. — Могу исполнить три твоих заветных желания. Хочешь?

— Хочу, товарищ генерал-майор, — стеснительно сказал Оськин. — А можно, чтобы меня из армии комиссовали? По инвалидности.

— По инвалидности можно, — пообещал комбриг.

— И чтобы старшину роты паралич разбил, — ободренно сказал Оськин.

— Также неплохо, — похвалил комбриг.

Из тумана вышла молодая женщина комбрига, высокая и статная, в ситцевом платье с вырезом, откуда бело вздымалась грудь, и влюбленно, ладошками вверх, протянула к Оськину руки.

— Это моя теща, — сказал комбриг. — Бери, не стесняйся.

Оськин счастливо захохотал и стиснул тещу в объятиях, после чего та заговорила торопливым мужским голосом.

— Шура, Шура, — тревожно сказала "теща", — отпусти, гребанный ты конек!

Оськин очумело открыл глаза. Он сидел на полу вымытой столовой, рядом с ведром и шваброй. А над ним, потирая кисть, стоял прапорщик Конек, зам. по тылу. Пожилый и маленький, со сдвинутым к уху козырьком фуражки и трехдневной щетиной, Конек имел вид неудачливого разбойника.

В возникшей паузе, со стороны заднего крыльца столовой, что выходило на свинарник, раздались энергичные шаги, шумное "уфф-уфф", их сопровождающее, и на пороге бойлерной показался старшина роты, большой, крупный, на голову выше Конька и с остро заточенным тесаком в руке.

— Вот, старшина, — скрипуче пожаловался Конек, — на посту спит. Как тебе нравится?

Старшина зыркнул на Оськина маленькими пронзительными глазами.

— А может, его лучше тесаком резать? — предложил он.

— Ты чего, Жора, — сказал Конек. — Всю ночь будем резать.

Старшина вышел. Конек торопливо последовал за ним.

— Оськин, — крикнули уже на ходу, — поди сюда.

В темноте, привязанная к крыльцу, мирно стояла свинья.

— Фонарь поддержи, — сказал старшина Оськину. В руках старшины был пистолет, который он обматывал тряпкой.

— Следи, чтобы не скосовь прошла, — обеспокоенно сказал Конек.

— Не учи ученого, — сказал старшина. — Выше держи, — сказал он Оськину.

— Хороший парень, — нервно облизнувшись, сказал Конек. — Молодец, животных любит.

Старшина всунул пистолет свинье в ухо и выстрелил.

— Ах ты, Господи, — вздрогнув, шепнул Конек. Свинья, хрюкнув, забила ногами.

Оськин отвернулся.

— Потащили, — деловито сказал старшина Коньку.

Вдвоем они потащили свинью по коридору к выходу, оставляя за ней кровавые разводы.

— Прибери здесь, — пытаясь, крикнул старшина.

— И смотри, Шура, на службе на спи, — кряхтя, просипел Конек. — А то скажу старшине, еще пять нарядов прибавит.

— Это точно, — сказал старшина.

За ними хлопнула дверь на пружине.

Была ночь. Дул холодный без снега декабрьский ветер.

От столовой к спящей казарме, куда брел Оськин, вела широкая полоса заасфальтированной дороги. Огибая казарму, дорога раздвигалась: вправо — становясь главной улицей городка со штабом, зданием клуба и магазинчиком военоторга, и в обратную сторону, уже грунтовойкой уводя к лесу. Оттуда на скорости мчал уазик. Дико взвизгнув тормозами у клуба, он свернул в переулок, к офицерским домикам.

Проводив машину глазами, Оськин согнулся пополам. Его вырвало.

А в это время у здания клуба прощались. Две неразборчивые в темноте фигуры приникли друг к другу. Затем одна оседлала низкий плоский предмет и затарахтела на нем прочь.

Минутами позже "уазик", куда, выскочив из дому, запрыгнул начштаба майор Лукин, мчался по переулку обратно, но, ослепив фарами девичью фигурку, торопливо идущую ему навстречу, резко затормозил.

— Ты что здесь делаешь? — гневно крикнул майор, отворив дверцу.

— Иду из библиотеки, — неуверенно сказала Марина. Шуря от света, она куталась в широкий не по росту плащ.

— В два часа ночи? — крикнул майор. — А ну, живо домой!

— Пап, а что случилось? Тревога?

— Хаитов повесился, — хлопнув дверцей, крикнул майор. — Планшетист.

— "Уазик" рванул.

— Боже мой, — сказала Марина и, поежившись, побежала к дому.

Ее младшая, восемнадцати лет, сестра Наташа (между ними было три года разницы) в халате сидела на кухне.

— Где у него сигареты? — спросила Марина, бродя по отцовской комнате.

— В столе, — сказала Наташа, — и мне захвати.

Они курили, пуская дым в открытую форточку. Марина по-прежнему в плаще, нервно и быстро, а Наташа с ленцой, косясь на сестру, с иронической гримаской.

— Ты его хорошо знала? — спросила Наташа.

— Да, — сказала Марина. — Грустный такой, тарин. Книжки читал. Бедный мальчик. Боюсь, у папы будут неприятности.

— Хоть бы его уволили, — сказала Наташа. — Уехали бы отсюда к черту.

— Не понимаю тебя, Наташка, — сказала Марина. — Зачем ты вернулась. Жила бы себе в Питере. На следующий год точно поступила бы.

— Гадость какая, — брезгливо сказала Наташа и выстрелила окурок в форточку. — Между прочим, всему плохому я научилась от тебя.

— Мускатом заешь, будет нюхать, — сказала Марина.

Наташа встала.

— Ты смотри, ему ребеночка в подоле не принеся.

— Перестань, — сказала Марина, — у нас совсем другие отношения.

— И что вы делаете по ночам? Книжки читаете?

— Мы беседуем.

— Отлично, — сказала Наташа, — блестяще. — Она неожиданно метнулась и рванула на сестре плащ.

С треском разлетелись пуговицы. Под плащом на Марине были только трусики.

— Совсем обалдела, — крикнула Наташа. — Ужас, последний стыд потеряла! Ему тебя уже раздевать лень!

Она выбежала.

Глухо отозвались пружины дивана в их комнате, где Наташа в отчаянии рухнула.

— Он же дубина, солдат! — крикнула она. — Ему все равно с кем, неужели ты не понимаешь! Хоть в печку!

— Прости, Наташенька, мне очень стыдно, — негромко сказала Марина. Она рассеянно провела по груди ладонью и устало-томительно улыбнулась.

Подземный bunker РЛС — Радиолокационной станции слежения — находился в лесу и снаружи представлял собой трехметровый земляной накат с антенной, а внутри автономную от внешнего мира систему с миниэлектростанцией и командной рубкой, всю противоположную стену которой занимал огромный световой планшет из прозрачного оргстекла, где цветными мелками вычерчивались маршруты боевых самолетов.

Сама система была связана между собой комнатами, коридорами, коридорчиками и рассчитана на выживание в ней боевой смены в условиях ядерной, химической, гражданской, а также прочих видов войн — на все вкусы военной доктрины.

— Вот на нем он и висел, товарищ майор, — деловито сказал старший радиотелеграфист Мазин.

Лукин стоял за планшетом на табуретке и ту-по смотрел на крюк в потолке.

Часть смены собралась в рубке. А часть — с начмедпункта лейтенантом Злотником — у тела Хаитова в крохотной столовой.

— Ну что там, Злотник, — глухо сказал майор.

— Странгуляция, — сказал Злотник.

Майор зачем-то подергал крюк и слез с табуретки.

— Кто его обидел? — сказал он.

— Кто же его обидит? — удивленно сказал Мазин. — Он же черпак, товарищ майор.

— Его Савицкий по матери матюкал, — быстро сказал офицер Смирнов, старший смены. Он был бледен и нервно платком тер руки. — Я слышал.

— К-козел, — сквозь зубы шепнул высотометрист Савицкий, мрачный, могучего сложения дембель.

— Вы слышали? — обрадованно сказал Смирнов.

— Я ему цель давал н-номерную, — тяжело заикаясь, сказал Савицкий, — а он что-то пел за унылое. Я сказал н-нехорошо, Л-леша, петь на дежурстве, — дальнейшее Савицкий не осилил и замолчал.

Из спального кубрика раздалось шумное "уфф-уфф" и оттуда энергично появился старшина роты с семенящим за ним Коньком.

— Товарищ майор, на минутку, — заговорчески сказал старшина и вышел в тамбур.

— Ну? — нервно сказал Лукин, пройдя следом.

Старшина передал майору сложенный вдвое листок.

— Под матрасом нашли, — сказал он.

— "Прощай, Рая", — прочел майор, — "ни в чем тебя не виню, прощай, нет жизни без тебя." Какая Рая, — смутно сказал он.

— Наша, — услужливо сказал Конек, — телефонистка из штаба, ни кожи, ни рожи, видно, не дала парню, гребанный конек. А всем давала.

— Это точно, — сказал старшина.

Со скучным рассветом по лесу ехал мопед. За рулем сидел Боря Кулышан в курсантской, без знаков отличия, летной форме. Через руль была перекинута сетка с бутылками дешевого сухого вина, а позади Бори сидел рядовой Тимошенко, неудобно поджав длинные ноги.

Тропинка была ветвистая с крупными рывками, она петляла по склонам и дну оврагов. Заехав в один из них с Тимошенко, Боря выехал уже без него. Но был задумчив и сразу этого не заметил. Затем заметил и, остановившись, стал вертеть головой.

— Тимоха, ты где? — крикнул он.

— Здесь, блин, — со дна оврага обиженно крикнул Тимошенко.

Затем они снова ехали по лесу. Мопед, древний как присяга, кашлял и тархтел.

— Боря, слышь, а кто из сестер лучше — младшая или старшая, — крикнул Тимошенко.

— Не могу сказать, — крикнул Боря.

— А ты прикинь.

— Старшая лучше, — подумав, крикнул Боря. Потом еще подумал. — Но младшая тоже дай бог.

— Почему одним все, а другим ничего, — сказал Тимошенко.

Из лесу Боря вывернул на широкую проселочную дорогу, которая вела напрямик к станции, и удивленно различил у бункера крытый брезентовый грузовой, штабной уазик и группу офицеров, которые повернули к нему головы.

— Влипли, — сказал Боря.

— Тормози, — сказал Тимошенко.

— Поздно, — сказал Боря.

Отступить и сворачивать было глупо. Оставалось ехать. И Боря ехал. А у бункера терпеливо ждали, пока он подъедет.

Доехав, Боря встал. Все молчали. Тимошенко слез.

Боря поставил мопед на ножку, подумав, снял с руля сетку с вином и встал рядом с Тимошенко.

— У нас с Тимошенко день рождения через пару дней, — помолчав, сказал Боря.

Из бункера вышел майор Лукин. Некоторое время он также молча разглядывал двоих с мопедом.

— Чей мопед? — устало сказал он.

— Мой, — сказал Боря, — из металлолома собрал.

— А вино откуда?

— Из деревни.

— Пантелеев, — безысходно сказал майор, — это кажется из твоего взвода, — и снова вошел в бункер.

Старший лейтенант Пантелеев, лет 35, побитый крупным белым лицом, шагнул к Боре и, выхватив из сетки бутылку, разбил о руль.

— Это пять суток губы, — вкрадчиво сказал Пантелеев.

Таким же образом разбил следующую.

— Еще пять суток.

Всего было пять бутылок.

Покончив со всеми, Пантелеев также вкрадчиво подвел итог.

— 30 суток гарнизонной губы каждому, товарищи-солдаты.

— 25, товарищ старший лейтенант, — тихо поправил Боря. — Пять на пять двадцать пять.

— Почему одет не по форме, — также вкрадчиво сказал Пантелеев. И вдруг страшно закричал. — Я старший лейтенант Пантелеев!!! Убью, падла, блядь! — Он пнул мопед ногой и стал в бешенстве топтать его ногами.

Из бункера выглянул старшина.

— Товарищи офицеры, майор просит на пять минут.

Офицеры потянулись ко входу.

За их спинами стал виден маленький дагестанец Шагенцуков и водитель Морозов.

Пантелеев еще несколько раз подпрыгнул на колесе, тяжело дыша, отвернулся, вытер салфеткой дрожащие руки и быстро, не поднимая головы, прошел мимо старшины внутрь.

Боря убито смотрел на искореженный мопед. — Да, Кулышан, — злорадно сказал старшина, — и на хитрую жопу есть болт с винтом, — и закрыл за собой бронированную дверь.

Шагенцуков заплакал.

— Хаитов повесился, — сказал Морозов.

— Умерля, — сквозь слезы сказал Шагенцуков, — умерля Хаитов.

Батальонная столовая. Время обеда.

— Рота, встать! — закричал дежурный.

— Кушайте, кушайте, — сказал генерал-майор Яремчук.

За его спиной была свита в лице адъютанта, начштаба Лукина и прапорщика Конька. Тот по такому случаю был выбран, но козырек фуражки по-прежнему торчал к уху.

Рядовой Оськин из кухонного окошка, приоткрыв рот, неотрывно смотрел на генерал-майора.

Тот, удивленно чиркнув по нему взглядом, вышел. Свита следом.

Ели в маленьком офицерском зале столовой. Генерал-майор ел с аппетитом и читал рапорт. Лукин вялоковырял вилкой.

Время от времени появлялся сутливый Конек с предложением "огурчика?".

На стене, скрепленная за углы лейкопластырем, висела обложка журнала с изображением министра обороны Грacheва.

Стол обслуживала милостивая официантка в коротком крахмальном фартушке.

Генерал-майор подмигнул. Официантка, зардевшись, вышла с подносом.

— Вот из-за таких, Лукин, у тебя и вешаются, — сказал комбриг. — Бром в кисель добавляешь?

— Добавляю, — сказал майор.

— Значит, мало, — сказал комбриг. — Лей больше, чтоб у них не стоял как кочан. В понедельник кросс устроишь, в противогазах, с полной боевой... и на лыжах.

— Так снега нет, товарищ генерал, — безысходно сказал Лукин.

— Снега у тебя, блядь, нет, — раздраженно крикнул комбриг, — солдаты у тебя вешаются.

— Мой рапорт об отставке готов, — глухо сказал Лукин.

— Об отставке, — с угрозой сказал комбриг. — А с кем я завтра воевать буду? А кто, бля, армию будет реформировать? — Он посмотрел на Грacheва. — Взыскание получишь.

— Жалко парня, — тоскливо сказал Лукин.

— Ты лучше скажи, что у тебя здесь за призраком объявился.

— Да так, чепуху болтают.

— Ты с этим призраком кончай, — сказал комбриг, он постучал пальцем по краю стола и оглянулся.

У дверей стоял Оськин.

— Тебе чего, боец, — подозрительно спросил комбриг.

Оськина разбудили ночью три силуэта в калитках, что стояли над его кроватью.

До этого Оськин громко, на всю казарму, стоял, смеялся и скрипел пружинами.

— Оськин, — сказал силуэт, — у тебя есть невеста?

— Нет, — сказал Оськин.

— К тебе девушка приехала, говорит, что невеста.

— Аня, — изумленно сказал Оськин, — не может быть.

— Ну, как хочешь. Она на КПП ждет.

Оськин бежал по ночному городку, на ходу заправляясь. Он пробегал магазин, штаб и вошел на КПП, где на него удивленно уставился маленький дагестанец Шагенцуков, который сидел за столом с дежурным журналом.

— Где она, Шагенцуков? — задыхаясь, сказал Оськин, обшаривая взглядом маленькую холодную комнату с грязным окном.

Шагенцуков вслед за Оськиным также рассматривал комнату и снова уставился на Оськина.

— Девушка приезжала? — торопливо спросил Оськин. — Такая, светленькая.

— Нету, — сказал Шагенцуков, — я одна.

Оськин помолчал, и убито сел.

— Кушать нету? — сказал Шагенцуков.

Оськин похлопал по карманам и, наткнувшись на сухарь, отдал Шагенцукову. Шагенцуков стал быстро грызть.

Оськин вышел. Он постоял у ворот, а потом медленно побрел к казарме.

Позже Шагенцуков таращился в темноту за окном и напевал заунывное. Потом стал дремать, но, боднувшись затылком, проснулся и

увидел за окном два красноватых немигающих глаза, которые смотрели на него в упор. Шагенцуков застыл, а затем, пулей выскочив из КПП, бросился бежать сломя голову.

— Там, там! — в ужасе закричал Шагенцуков, пробежав мимо компании женщин, идущих от ба-
ни.

"Там" действительно что-то двигалось, издавая трубный, зовущий звук, и женщины с визгом устремились за Шагенцуковым.

День. Кабинет майора Лукина. Телефонистка Рая, маленькая невзрачная девушка, писала за столом заявление и плакала.

— Прошу уволить меня в связи с переходом в штаб округа, — диктовал майор.

— Товарищ майор, — всхлипывая, сказала Рая, — ну в чем я виновата? Я с ним не крутила, пово-
да не давала, один раз пришел обкуренный, позвал меня замуж. Я говорю, с чего вдруг, я что с крыши упала, в твою Татарию ехать. Ну, правильно? Ну, в чем я виновата, Виктор Вале-
рьевич, если у него крыша поехала.

— Ты не виновата, не виновата, — сморщась, сказал майор и быстро подписал заявление.

— А что они на меня повзводно ходят смот-
реть?

Рая вышла на крыльцо штаба. С улицы на нее заинтересованно смотрела поджидающая груп-
па солдат.

— А ну, пошли на хрен отсюда, — истерично крикнула Рая и побежала прочь.

Вечер. Кухня в доме майора Лукина. Майор и Наташа, младшая из сестер, пили чай, после ужина. Марина возилась у мойки с посудой.

— Пап, а были такие случаи, — Наташа посмотре-
ла на Марину, — чтобы, допустим, не солдат вешался, а наоборот?

— Извини, не понял, — сонно сказал майор.

Второй день в библиотеку никто не ходит, — поспешно сказала Марина.

— Призрака бояться, — хмыкнул майор.

— Наверняка кто-то разыгрывает, — сказала Марина.

— Разыгрывает-не разыгрывает, а у меня сего-
дня часовой на пост отказался выйти. Чуть ка-
кая-то, средневековая, правильно, дочка, — он похлопал Наташу по руке. — Как там Питер, как тетка, как настроение, молчишь, ничего не рас-
сказываешь.

— Пап, я пойду пройдуся, воздухом перед сном подышу, — сказала Марина. Она вышла в коридор.

— Я тоже, — быстро сказала Наташа и вышла следом.

— Ну вот, — расстроено сказал Лукин, — пого-
ворили с отцом.

Через мгновение он уже спал, запрокинув вверх голову.

— Чудовище, — одеваясь, тихо сказала Ната-
ша.

— Между прочим, он тебя воспитал, — тихо сказала Марина.

Девушки молча шли по главной улице городка. Тускло, через один, светились фонари.

— Ты разве никуда не торопишься? — сказала Наташа.

— Нет, — сказала Марина и произвольно свернула.

Проходя мимо дома старшего лейтенанта Пантелеева, Марина остановилась. На плоском карнизе окна, что выходило с задней стены до-
ма, лежал букет живых цветов. Окно было освещено, и была видна Вера, хрупкая тоненькая жена Пантелеева, которая что-то строчила на швейной машинке.

— Какие красивые, — сказала Марина. Она подошла к окну и постучала.

Вера, выглянув в темноту, распахнула окно.

— Вера, возьмите, тут у вас цветы лежат. За-
мерзнут — жалко.

— Здравствуйте, — сказала Наташа.

— Здравствуй, Наташенька, — сказала Вера. Она испуганно держала цветы и явно не знала, что с ними делать. — Давно вернулась?

— Дней пять, — сказала Наташа. — Очень кра-
сивый букет.

— Не знаю, — сказала Вера, — откуда он взялся?

Девушки соболезнующе пожали плечами и двинулись дальше, вдоль дома.

Вера, постояв, закрыла окно.

— Ты думаешь это ей? — тихо сказала Наташа.

— Нет, ему, — саркастически шепнула Марина.

На крыльце дома курил в тапочках сам Пантелеев.

Некоторое время сестры шли молча.

— Сплошное блядство, а не армия, — хмуро сказала Наташа.

Потом обе приснули.

Марина остановилась.

— Наташа, — сказала она, — прости меня, если бы я знала, что это для тебя так серьезно.

— Для меня? Мариночка, ты с ума сошла? Он же крестин.

— А ты с ним... была? — спросила Марина.

— А-а, — Наташа махнула рукой, — и вспомнить нечего. В первый раз пришел с вином и шоко-
ладкой, а потом в кальсонах и с яблоком.

— А он клялся, что нет, — сказала Марина. — Если бы я знала.

— Забудем его, — сказала Наташа. — Кстати, он тебе свои стихи уже читал?

— Да, кажется.

— Ну и что?

— Старалась не слушать.

Они рассмеялись.

— Забыли, — сказала Марина. — Да, к черту.

Сестры ткнулись лбами, видимо, по старой, давно заведенной привычке.

— Маринка, — сказала Наташа, — мы с тобой таких в Питере женихов найдем...

В это время казарма готовилась к отбою, а Боря Кулышан, напротив, наводил на себя мара-
фет в бытовке и одновременно диктовал Тимо-
шенко.

— Хотя не созрел я для поэта, — диктовал Боря, доводя бляку до слепящего блеска, — и ма-
нит больше суета, я посвящаю песню эту...

— Песню? — переспросил Тимошенко.

— Образно, — сказал Боря. — Как ее зовут?

— Лена.

— Тебе Елена и звезда... К звезде можешь придумать рифму?

— Да пошел ты, — подумав, сказал Тимошенко.

— Рота, смирно, — крикнул дневальный с тумбочки.

— Чего кричишь, придурок, — недовольно ска-
зал вошедший старшина.

Под свое шумное "уф-уф" он заглянул в кубрик.

— Узнаю, кто у меня цветы из теплицы ворует, — прищурившись и зловеще, заявил он, — жи-
вым сгною. — Затем энергично проследовал к бытовке.

— Ты куда собрался, Кулышан?

— На губу готовлюсь, товарищ старшина, — сказал Боря.

— На смену поедешь. Дежурить некому.

— Как некому, — сказал Боря, — а Большаков?

— Заболел.

— Нет, старшина. У меня тридцать суток губы, официально.

— Все, — сказал старшина, — машина ждет, — он вышел.

Боря выругался.

— Позвони через коммутатор, — сказал Тимо-
шенко.

— Ага, — убито сказал Боря, — товарищ майор, передайте, пожалуйста, вашей дочери, что се-
годня трахаться не приду.

В медчасти Большаков лежал, укрывшись с головой одеялом.

— Большак, — умываясь сказал Боря, — ну что же ты делаешь, сука ты такая. Я тебя сколько раз выручал.

Большаков вынырнул.

— Боря, — горячим шепотом сказал он, — ты мне как брат, ты же знаешь. Но я его видел. Как тебя, в двух метрах.

— Кого?

— Хаитова. Я больше на смену не вернусь. Лучше в дисбат.

— Вовчик, — проникновенно сказал Боря, — если это даже Хаитов, он тебе все равно ни хрена сделать не может. Он умер, понимаешь?

Большаков снова залез под одеяло и оттуда отчаянно затряс головой.

В кузове грузовика, что вез хмурого Бору на смену, находился также Оськин, сопровождающий печенье и бачок с чаем для боевого расче-
та, и прапорщик Конек, бдитительно сопровождающий Оськина.

Грузовик въехал в лес.

— Кулышан, а почему тебя из училища выгна-
ли? — спросил Конек.

— На учебном истребителе полетать захоте-

лось, — неохотно сказал Боря.

— Угнал, что ли?

— Почему угнал? Полетал и вернулся.

— Да, — сказал Конек. — Падает дисциплина.

Шура, ты что там с печеньем делаешь?

— Ничего, — из темноты сказал Оськин.

— Да, — вздохнул прапорщик. — Вот вроде му-
сульманам нельзя вешаться, а повесился.

В это время грузовик резко встал и все поле-
тели на борт.

— Я дальше не поеду, — заявил водитель Мо-
розов присутствующим и нервно запер дверцы кабины, куда рвался Конек.

— Что значит "не поедешь"? Я тебе приказываю! Ты присягу давал?

— Сан Саныч, оно у меня перед носом проско-
чило!

— Морозов, позор, гребаный ты конек, тут две-
сти метров осталось.

— Ладно, я пошел, — сказал Боря, — печенье
взять?

— Сам довезу, — сказал Конек. — Оськин, ты
иди с Кулышаном и чай захвати, а то остынет.

Оськин прыгнул с борта и, неудобно нагру-
зив на себя бачок, побежал вслед за Борей.

Боря шел быстро. Оськин едва поспевал, булкая чаем.

— Я слышал, ты на гражданке в цирке рабо-
тал, — сказал Боря.

— В зоопарке, клетку убирал.

— Ну и как?

— Обезьяны очень смешные.

— Да, — сказал Боря, — я однажды видал у го-
риллы.

Оськин, тяжело дыша, остановился, поставил
бачок.

Откуда-то позади раздался трубный тоскли-
вый звук. Там же взревел мотор. Беспорядочно
заметался свет фар. Оськин, подхватив бачок,
бросился вслед за Борей.

В это время Конек, с криком "стой, Мороз,
стреляю!", бежал за машиной, которая устрем-
лялась в сторону городка.

Немного пробежав, Конек остановился, дер-
жась за сердце, и плюнул вслед. Затем огля-
делся, прислушался, и, подойдя к дереву, стал
справлять малую нужду.

Вот за этим занятием Конька и застал за спи-
ной некто, чье горячее дыхание приподняло у
уха его редкие волосы и колыхнуло веточку
впереди него.

Конек замер — нужда справлялась сама со-
бой.

— Интересно, — глядя вперед, сказал Конек, —
пойду разберусь.

Потом, не оглядываясь, он быстро и как-то
очень по-деловому зашагал прямо и, пройдя та-
ким образом метров десять, упал в овраг.

В доме Лукина скрипнула входная дверь, и
вошла Марина. Стараясь быть бесшумной, она
скинула плащ, вошла в комнату и, осторожно
пройдя мимо мерно сопящей сестры, вытяну-
лась на кровати, уставившись в потолок.

— Быстро вернулась, Мариночка, — спокойным
ехидным голосом сказала Наташа, — не пришла
эта сволочь?

Шаги Кулышана гулко отзывались в пустом
помещении дизельной. Боря бродил между ме-
таллическими агрегатами, напоминающими ор-
ганные трубы, и выстраивал на шкалах ампли-
тудное давление.

Затрещал телефон.

— Боря, — сказал телеграфист Мазин, — мо-
жешь купальник срифмовать?

— Какой контекст? — хмуро спросил Боря.

— Да хочу, чтобы одна там фотографию в ку-
пальнике выслала.

Боря задумался.

— А если вообще, — воодушевился Мазин, —
дать объявление в газету, так и так, молодой
предприниматель организует конкурс красоты,
шлите свои фотографии.

— Пришли мне фотографию в купальнике, по-
вешу я ее на умывальнике, — сказал Боря.

— На умывальнике? — переспросил Мазин.

— Нормально, — сказал Боря.

— Подожди, — сказал Мазин, он зашептал и за-
скреб ручкой. — А призрака не приходил?

— Приходил, — сухо сказал Боря, — к тебе по-
шел.

В командной рубке шла обычная работа. Вы-
сотометрист Савицкий считывал с экранчика
показания полета и передавал их планшетисту
Григорянцу, что вычерчивал маршрут движе-
ния.

Сам Григорянец за толстым с подсветкой стек-
лом был Геной различим смутно, зато его свист
назойливо звучал в наушниках.

— Слушай, т-ты, б-беженец, — заикаясь, ска-
зал Савицкий. — 3-затки пасть, один уже навис-
тел.

— Я не беженец, — обиженно сказал Григо-
рянец, — я в Ростове живу.

— В-все равно 3-заткнись, — сказал Гена.

— Сам заткнись, — подумав, сказал Григорянец.

— Сейчас наш призыв, король, понял? Надедо-
вался, блин. — Он снова засвистел.

Гена смолчал.

Оськин дремал на бачке с чаем. Дверной про-
ем в спальный кубрик станции был приоткрыт.
Оттуда доносились негромкие голоса, вспыхи-
вали сигареты.

— Один чувак, — говорил голос, — познакомил-
ся в увольнительной с девушкой, но она ему не
давала. Целоваться, зажиматься, пожалуйста, а
ниже пояса — ни в какую.

— Кто-то ходит наверх, — сказал второй го-
лос.

— Ветер гудит.

— Короче, он украл в оружейке гранату и по-
шел в самоволку.

— Довела сука.

— Начали с ней по обычной программе, как де-

ла, то да се, она только его за руку, а он ей в
другую гранату, держи, говорит, дура, крепко —
взорвемся. Она как столб застыла.

— Взорвались?

— Нет, трахнул, по полной программе.

— Правильно, у нее же руки заняты.

— Короче, ему это дело понравилось и пошел
он с гранатой к жене замкомвзвода...

На этом месте Оськин, видимо, заснул, так
как увидел себя в горячем цехе столовой, у су-
пового котла, а рядом, застыв с подносом, где
подрагивала граната, стояла милостивая офи-
циантка в крахмальном передничке, который он
торопливо с нее стаскивал, но за этим перед-
ничком неожиданно оказался еще один перед-
ничек, а за ним еще один передничек, и еще
один...

— Слышь, салага ты вонючая, — сказал Григо-
рянец.

Оськин дернулся и встал.

Григорянец зачерпнул чашкой чай и стал пить,
косясь на Оськина.

Тот сел.

— А ну, встань, — сказал Григорянец.

— С-сиди, Оськин, — сказал Савицкий за спи-
ной Григорянца. — Тебе д-дедущка р-разрешает.

Мазин находился в деревянном туалете, что
был на пригорке, метрах в двадцати от бункера,
и довольно курил, озирая граффити на стенах.

Граффити было много, иные в рисунках изоб-
ражали фантастический мир солдатских поло-
вых грез. Иные кратко сообщали имя и годы
службы: "Леня из Сухума ДМБ 85", "Марат 91-
93", что настраивало Мазина на оптимистиче-
ский лад, как бы говоря — не бойсь, Мазин, армия
не вечна, все служили и ты отслужишь.

Одна надпись, давняя, сделанная ножом,
привлекла его внимание с точки зрения идеоло-
гии.

— Дембель неизбежен как крах капитализма,
— написал неизвестный.

Мазин не согласился. Пыхтя, он вытащил из
стены гвоздь, и зачеркнул "капитализма", выца-
рапал сверху "социализма".

После чего туалет сильно толкнули, сверху
на Мазина посыпались кусочки засохшей смо-
лы.

— Эй, — хрипло сказал Мазин, — кончай бало-
ваться.

— У-у, — грустно в ответ сказал кто-то.

Мазин резко встал и ударился затылком о де-
ревянную балку.

При этом фонарик упал в дырку.

Наступили мрак и тишина.

Мазин стоял со спущенными штанами, дер-
жась за затылок, и слушал стук собственного
сердца. Потом, облинув губы, он с прыжка вы-
летел из туалета и, как мог, припустил к стан-
ции. Влетев туда, Мазин притянул за собой бро-
нированную дверь, закрутил колесо замка и
бросился вниз по лестнице.

В узком тамбуре, прикрыв дверь в служебное
помещение, яростно молчаливо дрались Григо-
рянец со товарищи против Кулышана с Савицким.

Мазин сполз по стене вниз и дрожащей ладо-
нью потер затылок. На ладони оказалась кровь.

— Ну, молодцы, — сказал Мазин, растерянно
глядя на дерущихся. — Молодцы.

Со входа раздался длинный настойчивый
звонок. Потом еще.

Драка замерла.

В тамбур выглянул офицер Смирнов.

— Что здесь происходит, — удивленно сказал
он.

Снаружи звонили, не переставая.

— Не открывайте, товарищ капитан, — тихо
сказал Мазин. — Это Хаитов.

— Что за бред, — сказал капитан.

— Он только что в туалет лопнул.

Смирнов вытащил из кобуры пистолет и стал
подниматься по лестнице.

За входной дверью на мгновение стихло.

— Кто там? — напряженно спросил Смирнов.

— Смирнов, это я, Сан Саныч, — с трудом и не-
внятно прошмакал голос Конька. — Я челюсть
сломал.

Утром личный состав батальона в количестве
двух взводов, мрачно выкрикивая "Кошечка, те-
бя одну люблю я, кошечка...", подошел к штабу.

— Стой! Раз, два! — скомандовал старшина.

На крыльцо штаба вышел майор Лукин. Он су-
мрачно оглядел личный состав, после чего об-
ратился к нему с речью.

— Товарищи солдаты, — отрывисто сказал он,
— вы позорите армию, вы засранцы, наркоманы
и трусы. Но я не допущу, чтобы какая-то непо-
нятная херня подрывала мне боевую работу. Ес-
ли есть добровольцы, готовые ее искоренить,
два шага вперед.

Добровольцев не было.

— И это наследники боевых традиций Кутузо-
ва и Суворова, — помолчав, горько сказал май-
ор. — Или среди вас таковых нет?

Первым вышел дембель Савицкий, небритый,
с пластырем на брови, в сапогах гармошкой и
расстегнутым воротом.

За ним Боря Кулышан в курсант